

транслитерации русских терминов и предложений (книга нуждается в редакции русскоязычных текстов). Однако это не умаляет главного достоинства книги: автор стремится рассматривать все поднимаемые в исследовании проблемы на широком сравнительном фоне, привлекая данные не только из литературы по другим арктическим обществам и культурам, но и по группам охотников, собирателей и скотоводов других регионов. Российские североведы традиционно включали в исследуемые ими сюжеты вопросы экономической антропологии, и рецензируемая монография, выполненная как этнография конкретной общины, на мой взгляд, является хорошим продолжением этой традиции.

ЭО, 2007 г., № 2

© **В.А. Шнирельман**. Рец. на: *Michael York. Pagan Theology: Paganism as a World Religion*. N. Y.: New York University Press, 2005. 238 p.

Необычен и замысел этой книги, и ее автор. Британский социолог религии Майкл Йорк является сегодня одним из лучших знатоков современных языческих движений. В то же время он не остается сторонним наблюдателем и, признаваясь в своей вере в сверхъестественное, не скрывает симпатии к язычеству. С первых же страниц он заявляет о своем "апологетическом" подходе, определяющем центральное место религии в расширении рамок человеческого сознания за пределы повседневных бытовых забот. Для него язычество – это вполне легитимная корневая религия, давшая начало всем остальным религиям мира, и в язычестве он видит "органическую альтернативу институализированной власти и изолированности самовыражения, куда загоняют себя многие религии" (р. IX).

Йорк много лет преподавал в Софийском центре по изучению культурной астрономии и астрологии в Университете Бэт Спа (Англия) и одновременно заведовал там Архивом современных религий, а сегодня учит студентов в Университете Черри Хилл в Бетеле, штат Вермонт (США). В 1981–1982 гг. он побывал во многих странах Южной и Юго-Восточной Азии, где, наблюдая за религиозным поведением разных людей, обнаружил в нем много общего, что навело его на мысль о неких инвариантах, присущих всем религиям, и заставило задуматься о сути этого явления.

Начав свою научную карьеру с изучения древнеримских праздников и индоевропейского языческого наследия в целом, Йорк затем провел социологический анализ феномена *Нью Эйдж* и неоязыческих движений современной Западной Европы. Однако в данной книге он выступает скорее как культурный антрополог и религиовед, чем как социолог, и ставит своей задачей доказательство того, что язычество не в меньшей степени, чем христианство, ислам или буддизм, заслуживает статуса мировой религии. При этом, несмотря на название "Языческая теология", книга менее всего посвящена вопросам богословия, хотя автор и отмечает определенное сходство языческой духовности с мировыми религиями. Гораздо важнее для него – выявить сходства в ритуальном и символическом поведении, которые не просто сближают все эти религии, но являются очевидным наследием язычества, заложившим основы мировых религий и донесенным ими до наших дней. Любопытно, что, сводя такие формы поведения к неким инвариантам, автор объявляет их свойствами человеческой природы, имманентно присущими всему человечеству. Ведь "язычество как поведение может рассматриваться как часть любой религии" (р. 67).

Привлекательность язычества Йорк видит в демократическом отрицании какой-либо иерархии. Сверхъестественное для него – "это неиерархическая реальность, лежащая за пределами природного, естественного" (р. 1). Мало того, констатируя падение всяческих авторитетов, включая и религиозные, Йорк настаивает на безусловном праве каждого индивида искать пу-

тем проб и ошибок свою собственную веру, что, собственно, и характеризует новые религиозные движения. Ведь настаивая на реальном существовании сверхъестественного, лежащего за пределами повседневного опыта, Йорк верит, что к нему ведет великое множество путей, представленных самыми разными религиями. А так как религия является лишь инструментом его познания, то человек вправе сам выбирать тот инструмент, который ему по нраву. Тем самым к религиозной сфере применяется принцип свободы выбора, лежащий в основе западного общества потребления. Мало того, автор утверждает, что этот принцип идет от общего индоевропейского наследия.

Подобно многим Западным язычникам, Йорк противится популярной ныне тенденции считать каждую конкретную религию культурным наследием и связывать ее с групповой идентичностью. Для него религия – частное дело, оставляющее за бортом все коллективные заботы. Он фактически возвращает религии изначальный универсальный статус, поднимаящий ее над конкретными этническими и региональными традициями. Но самое любопытное, что он надеется этим принципом и языческие религии, несмотря на то, что в своем изначальном виде они были неразрывно связаны именно с локальными традициями и что сегодня многие язычники хотят видеть в своих верованиях "этнические религии".

Термин "этнические религии" иногда применяется для того, чтобы избежать термина "язычество", в котором некоторые видят европоцентристское наследие, связанное с негативным отношением христианства к местным дохристианским культурам. Но Йорку термин "язычество" кажется вполне легитимным, и он полагает, что пришло время "очистить язычество от прилипших к нему негативных коннотаций" (р. 7).

Ему важно вывести язычество из положения некоего изгоя, и он показывает, что язычники по своей численности отнюдь не являются маргиналами. Действительно, к началу 1980-х годов в мире было известно около двух тысяч религий. Более половины населения планеты относятся к теистической традиции и верит в Творца. При этом треть населения мира составляют христиане, а пятую часть – мусульмане. Еще одна пятая часть населения представлена индуистами и буддистами. Новые религии, возникшие в течение последних 200 лет (но в основном за последние полвека), охватывают 2% мирового населения. Наконец, остальные религии (исключая язычество), такие как иудаизм, сикхизм, джайнизм, бахаизм и пр., охватывают менее 1% населения. Следовательно, составляя 5–6% всех верующих, язычники являются далеко не самой маленькой группой и требуют к себе уважения.

Их верования можно описать как анимистические, спиритуалистические и политеистические традиции. В своей классификации таких религий Йорк следует "Мировой христианской энциклопедии" Д. Баррета (Оксфорд, 1982), где они представлены следующим образом: китайские народные верования – 2,5–3,9% населения мира, племенные религии – 1,6–1,9%, шаманисты – 0,2–0,3%, конфуцианцы (корейские последователи Конфуция) – 0,09–0,1%, спиритуалисты – 0,14–0,19%, синтоисты – 0,07–0,04%. В 1985 г. последователи племенных религий (анимизм, политеизм, пантеизм, шаманизм, культ предков и пр.), включая и европейских неоязычников, составляли более 103 млн человек.

Давая краткий обзор язычества от античности до современности, Йорк подчеркивает, что в древности оно не имело четких догм или доктрин и ритуал представлялся ему важнее веры. Нынешним язычникам то, что они делают, тоже кажется несравненно важнее того, во что они верят. Современное Западное язычество утверждает, что вера вовсе не является главным его элементом. Для него намного важнее *делание* язычества: исполнение ритуалов, устройство праздников, геоцентричная деятельность. Гуманизм и поклонение природе – два важнейших направления современного язычества. По словам автора, это хорошо увязывается с атеизмом и агностицизмом и помогает перекинуть мостик между религией и наукой (р. 143).

Поэтому "язычество – это экспериментальное явление, а не религия догмы" (р. 12). Политеизм – далеко не самое главное, что отличает язычество от христианства, ибо язычеству свойственно монистическое представление о священном космосе. Более важным Йорку представляется сущность божества: христианский Бог трансцендентален, а языческий – имманентен. Кроме того, язычник не отделяет духовное от физического, а языческий бог не отделен от людей

непреодолимой преградой, и это позволяет видеть божественное в природе, поклоняться идолам, почитать священные места, напрямую контактировать с божеством и т. д. Сверхъестественные способности языческих богов вторичны по отношению к их "человеческой природе", и это позволяет язычникам говорить о близком родстве со своими богами. Язычеству чужда вера в воздаяние. Язычник верит в тесную связь сущего с потусторонним миром и в возможность прямого контакта с божеством. Последнее происходит экспериментальным путем, и язычник пользуется любыми средствами, помогающими интерпретировать окружающий мир и сверхъестественное. Поэтому в язычестве автор видит "теологическую перспективу и соответствующую практику, которая, несмотря на ее локальный акцент, вполне жизнеспособна и обнаруживается в китайской народной религии, синтоизме, племенных религиях, спиритуализме и современных неоязыческих религиях Запада" (р. 14).

Давая краткий обзор всех этих религий с их верованиями и ритуальными практиками, автор уделяет большое внимание их модификациям, приспособленным к условиям современности. В частности, он выделяет неошаманизм, принесенный на Запад К. Кастанедой и развитый М. Харнером. Западный шаманизм тесно связан с движением *Нью Эйдж* и основывается на практиках американских индейцев. Он высоко адаптивен и инновационен, а эффективные техники для него гораздо важнее конкретных культурных традиций, он хорошо приживается в городских условиях.

Другим интересным движением является "афролатинский спиритуализм", в котором автор видит случай успешного переноса индигенной африканской спиритуальности на Американский континент, где она не замкнулась в тесных культурных рамках, а широко распространилась, смело прорезая этнические границы. Так высоко адаптивный африканский комплекс стал частью культурного ландшафта латиноамериканских городов, заселенных испаноязычными потомками европейцев. А в последнее время афролатинский спиритуализм обрел популярность в США, особенно у геев. Сегодня спиритуальность американских индейцев тоже вышла далеко за границы племенных общностей. При этом евроамериканское общество по преимуществу приняло пришедшие с Кубы верования *сантерия* и в меньшей степени – магию *вуду*, проникшую туда также из Карибского бассейна.

Отрицая за термином "неоязычество" родовое значение, Йорк выделяет в современном Западном язычестве три направления: 1) локальные практики, часто автоматические, неосознанные, так или иначе связанные с землей, относимые им к *геоязычеству* (обычай бросания монеты в фонтан или колодец, ритуальные приветствия типа "доброе утро" или "добрый вечер", тосты за праздничным столом и т. д.); 2) стремление реконструировать забытую народную традицию (*рекоязычество*); 3) собственно *неоязычество* с его кельтскими воззрениями, связанное своим возникновением Джеральду Гарднеру.

Если геоязычество отличается простотой, органичностью и естественностью, то рекоязычество является сознательной целенаправленной деятельностью: это попытки реконструировать или оживить былые языческие традиции, включая друидскую практику (Британия и США), нордические верования (*одиниизм*, *асатру*, *ваниризм* и пр.), египетские и эллинические мистерии с их богатым пантеоном. Такие традиции по определению являются политеистическими, включающими сложные ритуалы и церемониальные одеяния, а также создание идолов. В свою очередь неоязычество выступает сегодня в виде гарднерианства, александрийства и других форм *уикки*, а также веры в Великую Богиню, универсального унитарного язычества и пр. Иными словами, это – не реконструированные, а сознательно сконструированные традиции, помогающие людям войти в контакт со сверхъестественным. Неоязычники проводят восемь регулярных праздников, следуют церемониальному циклу, пользуются ритуальными предметами, знают молитвы и песни, а также имеют представление о двуполом божестве. Главное в Западном язычестве – это церемониальная магия, причем уикка имеет дело прежде всего с магической практикой.

В то же время современное Западное язычество отходит от принципов античного гуманизма: предпочтение отдается правому полушарию мозга перед левым, а женская интуиция ставится выше мужского рассудка. Язычники порывают с антропоморфизмом и ценят любую жизнь, что

также снижает роль гуманистического компонента. Они стремятся к сохранению органического восприятия мира, которому угрожают технология и рационализм Западных обществ.

Наибольшие различия между неоязычеством и дохристианскими верованиями наблюдаются в религиозных практиках. Если для исконного язычества были типичны ритуалы в храмах или святилищах, то неоязычники устраивают моления на открытых местах безо всякого алтаря. Но для таких молений обязательны магический круг и обращение к "сторонам света", передача символов и талисманов по кругу, причащение хлебом и вином, а иногда – "духовный танец". Многие современные Западные язычники поклоняются солнцу. Для них характерна общинная, а не индивидуальная ритуальная деятельность. Кроме того, геоязычество и неоязычество не знают поклонения идолам, и это отличает их от "этнических религий". Западное язычество обожествляет всю природу целиком, превращая ее в божественный объект, таким образом, сама природа становится идолом.

В неоязычестве отсутствует реальный политеизм. Если Западные язычники и используют множество имен божеств, то за этим стоят не какие-либо четкие различные сущности, а названия либо Богини, либо Бога. Поэтому, по словам Йорка, неоязыческое понимание космоса характеризуется битеизмом. В этом, разумеется, можно видеть отличие от монотеизма, но, с традиционной точки зрения, здесь еще меньше политеизма, чем в христианской Троице. Что же касается внутреннего разнообразия, то в язычестве его ничуть не больше, чем в христианстве или исламе. Наконец, у язычества нет каких-либо центральных органов или институализированной организации. Если кто-то называет себя язычником, нет никаких способов это опровергнуть.

К общим чертам язычества Йорк относит анимизм, пантеизм, политеизм, имманентизм, гуманизм, культ природы, магию, органицизм, фетишизм и идолатрию, но отмечает, что ни одна форма язычества не содержит все эти особенности целиком: одним его направлениям свойственно одно, другим – другое. Однако, по мнению Йорка, у язычества имеются два универсальных качества: акцент на повседневность в мире сущего и признание божества, как бы оно ни выглядело (р. 65).

Важнейшей поведенческой особенностью приверженцев язычества, сближающей его с иными религиями, служит поклонение или преклонение перед каким-то существом, иными словами, культ. Йорк видит в этом естественное чувство, хотя и передаваемое путем обучения. Здесь-то и раскрывается причина привлекательности язычества для западного человека, ибо оно позволяет ему проявить все свои эмоции, сознательно подавляемые в обыденной жизни, как того требуют общепринятые нормы поведения.

Другой особенностью современного Западного язычества является магия, представляющая собой торг с потусторонними силами и, таким образом, хорошо вписывающаяся в знакомые рыночные отношения. Однако к магии прибегают лишь в особых случаях. В обычной же ситуации религиозное поведение выражает лишь желание выказать уважение божеству или сверхъестественным силам. В случае своего благорасположения божество может выполнить загаданное желание, но это – вовсе не результат сознательной деятельности, как в случае магии.

Как бы то ни было, основой любого поклонения служит культ, и в этом смысле он универсален. Поэтому Йорк пытается реабилитировать культ как "естественное побуждение", в силу исторических причин подвергнутое незаслуженным гонениям как вредный предрассудок. Иными словами, Йорк требует признать право человека на эмоции и энтузиазм, которые так естественны, но по культурным причинам вызывают в Западном обществе подозрение и осуждение. Язычество и привлекает западного человека тем, что дает ему эмансипацию постоянно подавляемых чувств. Путь к этому открыли контркультурные движения 1960-х годов, в которых участвовал и автор книги.

Сопоставляя религиозное поведение приверженцев разных религий (индуизм, буддизм, христианство, ислам), Йорк обнаруживает, что оно нередко противоречит религиозным догмам: если последние отрицают сущностный мир, то ритуальное поведение верующих часто связано именно с идеей жизни, а не с бегством от нее. И в этом автор усматривает языческое начало. Однако интенсивность последнего в разных религиях различна. Читателю может быть интересно, что Йорк обнаруживает немало языческого в католицизме, православии, индуизме и неко-

торых разновидностях буддизма, и гораздо меньше – в протестантизме. Так, культ святых восходит к дохристианским верованиям, а священные реликвии, талисманы, святая вода, паломничество связаны в своих основах с языческим поведением. Поэтому, по мнению Йорка, несмотря на свою теологию и антиязыческие послылы, большинство христианских практик можно назвать языческими (р. 134). Подобный феномен он усматривает и в исламе, где, как это ни парадоксально, несмотря на агрессивное неприятие язычества, главной святыней служит камень Кааба в святилище в Мекке, построенном в доисламское время для бога Хубала и изначально связанном с доисламским культом камней.

Иными словами, подобно Дюркгейму, Йорк выделяет "элементарные элементы", встречающиеся в любой религии, но объявляет их языческими. Язычество он находит даже в атеизме и агностицизме, которые вовсе не отказываются от посещения "храмов" – просто это называется иначе: "Боги исчезли, но ритуальное поведение и обычаи поклонения сохранились" (р. 144). В поклонении и культе Йорк видит "естественные" человеческие побуждения. В результате он приходит к парадоксальному выводу о том, что не только каждая религия, но и атеизм (!) содержат в себе некоторое языческое начало. Сегодня храмы и ритуальные возлияния сменились пабами и потреблением алкоголя, сохраняющими многие элементы ритуального поведения. Возникла культура бара, где своеобразный культ развивается вокруг потребления алкоголя. Иной формой храма служит театр, хотя осознание связи между священным и сценой утрачено. Мало того, "телевизор приносит храм и идолатрию в наш собственный дом" (р. 146). Туризм напоминает автору религиозное паломничество, а статуи в современных городах свидетельствуют о сохранении культа героев. Иными словами, обнаруживая ритуальные истоки в современных светских увеселениях и практиках, Йорк утверждает, что современное общество не так далеко ушло от язычества, как ему представляется.

Впрочем, для него важно не просто продемонстрировать подобное сходство, но подчеркнуть "естественность" языческого отношения к жизни и языческих ритуалов. Он настаивает, что модернизация вовсе не требует обязательного отказа от прежних богов. Ведь "содержание святилищ духов домашнего очага и природы является естественным, а разрыв с этой традицией искусственен и опасен" (р. 156). Нужда в благоговении и поклонении находит отдушину в области искусства, но это не способно удовлетворить всей потребности человека в культе.

Привлекательность язычества Йорк видит в его необычайном полиморфизме и отсутствии какого-либо канона или авторитета, необычайной вариативности, гибкости и высоких адаптивных способностях. Это, в частности, относится к пониманию священного, позволяющему язычнику свободно выбирать между пантеизмом, политеизмом и даже определенным монизмом. Язычество предлагает динамичные взаимоотношения между миром природы, человеком и сверхъестественным. Здесь нет полного подчинения божеству как в исламе, нет и ветхозаветного потребительского отношения к природе. Божество не отделяется от человека непреходимой стеной: люди и боги на равных взаимодействуют друг с другом и с природой, ибо язычество основано на принципе взаимозависимости. Автор предупреждает против отождествления язычества с гностическими учениями (пифагорейство, платонизм, неоплатонизм, каббализм, теософия), ибо они представляются ему противоположными полюсами – язычество воспекает материальный мир как воплощение божественного, а гностицизм видит в материи неизбывное зло, от которого следует бежать. В зороастризме автор также видит вариант гностицизма, ибо реформы Зороастра стали явным отходом от исконного индоевропейского язычества.

Наконец, автор не может избежать и актуальной ныне темы политического язычества. Он не скрывает, что в определенных исторических контекстах оно было связано с преклонением перед нацией и расой. В итоге сегодня для многих язычество ассоциируется с фашизмом. Идея фашизма включает автократию, социальную и экономическую субординацию, а в своих худших образцах – и бесчеловечные репрессии вплоть до полного истребления оппозиции и упразднения всяких различий. По сути, фашизм – это форма фундаментализма, отрицающего свободу, в том числе религиозную. Однако свой фундаментализм известен практически любой религии, и язычество в этом не оригинально. Автор подчеркивает, что в нашу эпоху язычество было нередко тесно связано с агрессивным национализмом, ярчайшим примером чего была германская

ариософия, или "арийская мудрость", положенная в основу политических движений, исповедовавших пангерманский трибализм и включавших расизм и антисемитизм. Сегодня эти черты сохраняют некоторые группы "нордической традиции" (одиночки и последователи асатру), выступающие за сохранение племенной чистоты "нордического народа" и против смешанных браков.

Но среди нордических язычников немало и таких, кто отвергает подобные идеи. В целом же для современного Западного язычества последние чужды. Язычники правых политических убеждений склонны к шовинизму, особенно если они понимают племенную идентичность как расовую и стремятся защищать традиционный образ жизни от некоей внешней опасности.

Сегодня такой опасностью некоторым представляется глобализация. На вызов глобализации Йорк отвечает призывом к людям научиться жить вместе, составляя свободные ассоциации. По его мнению, это требует объявления свободы всех религий. Не нужно стремиться одобрять все, что делают другие, но следует найти способ предоставить каждому свое пространство для самовыражения. При этом "язычники тоже должны допустить свободу человека выбирать свой собственный путь, однако ни одна религиозная система не имеет права навязывать себя силой. Ныне нам предстоит научиться решать все наши проблемы, избегая обветшалого трибализма, настроивающего людей против каких-либо отдельных человеческих коллективов" (р. 166). Йорк призывает всех здравомыслящих людей противостоять фашистам и фундаменталистам, пытающимся блокировать развитие многорасового и мультикультурного общества: "теологическому этноцентризму" не должно быть места на планете.

Актуальность этих призывов дает знать о себе в особенности в России, где пока что процветает агрессивное политическое язычество, где язычество по большей части принимает трибалистскую форму в силу преобладания рекоязычества и где о той свободе религии, о которой говорит Йорк, приходится только мечтать. К сожалению, сегодня в целом ряде стран и регионов СНГ возрождается арийская идея, в той или иной мере связанная с рекоязычеством. Поэтому важность книги Йорка определяется для нас тем, что она показывает реальную альтернативу, позволяющую направить поиски языческой веры в сторону от расизма, куда ее стремятся загнать некоторые современные волхвы.

НА САЙТЕ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели, обратите внимание, что на Интернет-сайте журнала в разделе *Этнографическое обозрение Online* (<http://journal.iea.ras.ru/online>) опубликованы следующие материалы:

- Данилко Е.С. Историческая память в устных преданиях зюэдинских и язвинских коми-пермяков
- Перен М. Морфогенетическая интерпретация шаманского посвящения ("точные науки" и этнология) (пер. с франц. Г.С. Васюкова, А.Б. Островского)
- Сеницын А.Ю. "Этнографические картины" Кавахара Кэйга в японском собрании МАЭ РАН
- Харитонов В.И. Летняя школа медицинской антропологии "Проблемы интеграции медицинских систем" (с дополнениями)
- Список научных трудов А.Г. Козинцева
- Список научных трудов Т.К. Шафрановской